Пролог

...Всего лишь девятнадцать лет. Вся моя жизнь не насчитывает даже двух десятилетий.

Если бы меня попросили вкратце описать свою жизнь, то я бы сказала, что те последние два года, начиная с того момента, как я покинула свою родную деревню Домреми в возрасте семнадцати, были для меня всем.

Один год славы и один год унижений и пыток.

Некоторые называли меня «чудотворицей».

Интересно, чудо ли это на самом деле?

Я начала действовать после того, как услышала плач Господа, и сражалась, ведомая сердцем, дабы защитить свою родину.

Да, я сражалась. Даже если долгом моим было лишь нести знамя на поле боя, это всё равно означало, что я избрала путь убийства. Я убивала врагов тысячами, чтобы спасти сотни своих земляков.

Пусть даже они были врагами, которые убили бы меня, будь у них такой шанс... убийство есть убийство.

Я нарушила шестую заповедь «Не убий». Убийство есть поступок, жестокость которого невозможно себе вообразить.

Поэтому многие, кто взвалил на свои плечи похожую судьбу, внушали себе:

«*Враги – не люди*. Они демоны, злые создания, жаждующие крови, и убийство их есть дело праведное, что мы и делаем с презрением. Или же мы убиваем из веры в то, что это ради нашей страны, нашего родного дома, ради тех, кого мы любим».

Это необходимое деяние. Деяние, на которое следует благословлять.

Думая так, люди продолжают отводить свой взор от правды... потому что иначе жизнь станет для них невыносимой.

Если они осознают, что «чужаки», с которыми они сражаются, - такие же обычные люди, которые любят свои семьи и свою страну, но всё равно продолжат убивать, то их сердца не выдержат...

Я была глупой, невежественной и совершенно не умеющей лгать.

Именно поэтому... я думала о своих врагах как о людях. Демоны страшны, злые создания внушают ужас, но людей я не боялась. Внутри меня была лишь боль, которая словно раздирала моё сердце на куски.

Убивать людей и спасать людей. Я верила, что без этого защитить мою страну было невозможно. Я верила, дала клятву и без всякого сожаления уничтожала врага.

«История» мира закручивается подобно спирали. Как далеко ни бросай взор, увидеть её начало не удастся. Её форма запредельно абсурдна, и не важно, сколько тысяч людей сгинет, она не закончится, словно какая-то комедия.

Ты убиваешь, потому что убивают других. Тебя убивают, потому что от твоих рук гибли другие. Это необходимо как-то остановить, но способа сделать это найти не удастся. Спираль будет закручиваться бесконечно...

Но даже так. Даже так я избрала путь убийства. Этот путь весьма неопределённый, но он ведёт меня вперёд. Я знаю, что кровь, которую я пролила,

приведёт на новый путь. И я знаю, что он закончится тем, что больше ничья кровь не будет пролита.

Я двигалась вперёд, неся в себе эту боль. Какой же я была глупой.

Люди называли меня грешной и запятнанной кровью святой. Я должна была нести на себе бремя этого звания всю свою жизнь... как ужасно.

Закричи я тогда «Это не так», всё бы закончилось. Но это стало бы не концом, несущим спасение, а всего лишь отречением от той ноши, что я на себя взвалила.

Поэтому я не остановилась. Взяв на себя бремя людских надежд и желаний, я продолжила упорно двигаться вперёд.

Я понимала. Я давно знала, что меня ждёт крах. Продолжала ли я идти по выбранному пути ради своей родины? Ради надежд и желаний людей? Или, или...

Или же я делала это, потому что считала себя *грешницей, заслуживающей наказания*?

Конец этой истории не принёс бы никому счастья, он лишь был уместен в войне, где все ранили и ненавидели друг друга.

Сожжение на костре подходило тому, кто запятнал себя кровью. Человеку, вроде меня.

Я не против, если кто-то смотрит на мою жалкую фигуру с презрением, насмехается надо мной, поливает меня бранью.

Поэтому я буду молиться. Просто молиться и взирать на небеса. В конце концов, это всего лишь смерть глупой и незначительной деревенской девушки. Ничем не примечательное событие, погребённое в глубинах истории.

Такими были мои мысли. Даже теперь, будучи Героической душой, в которую верят многие... я по-прежнему всего лишь глупая деревенская девушка.

...Тем не менее, эта Война за Святой Грааль была слишком необычной во всех отношениях.

Это уникальная ситуация, в которой друг другу противостоят две группы, в каждой из которых по семь Слуг. И в то же время при призыве Слуги класса Рулер, то есть меня, Жанны, произошла ошибка, и мне пришлось заручиться помощью девушки по имени Летиция.

Причиной тому был самый нестандартный фактор в Великой Войне за Святой Грааль - Амакуса Широ Токисада.

Изначально я должна была быть посредником в этой войне, но теперь я существую лишь для того, чтобы свести счёты с ним.

И есть ещё один человек, который является самым незначительным и, в то же время, самым необычным фактором в этой войне.

Не имевший даже имени, награждённый короткой жизнью, он всё равно борется за существование. Он гомункул, обладающий красотой драгоценного камня и являющийся искажением в человеческой форме.

Всё остальное, в том числе битва между четырнадцатью Слугами и присутствие другого Рулера, меркнет перед его особенностями.

Прежде всего, гомункул – это существо, созданное для выполнения определённой задачи. Не ставя под сомнения свои действия, они с готовностью подчиняются приказам своего хозяина до самой смерти. Более того, он из тех, чья способность даже мыслить нестабильна с рождения.

Его тип насыщает прану с помощью Магических цепей и поставляет её Слугам через духовный канал.

Слова и мысли для них излишни. Им лишь дозволено существовать. Поэтому они – жертвы с рождения, которых постоянно используют.

«Он» сбежал от такой участи.

Трясясь от страха, утопая в отчаянии, он хотел жить... и выполз из своего резервуара.

Он, тот, кто просто должен был быть похоронен в этом мире, стал ненормальной сущностью. Способность жить для него сама по себе уже была *ненормальной.*

За короткое время он попытался сбежать с помощью Чёрного Райдера, лишился сердца и оказался на грани смерти.

Тем, кто спас его, был знаменитый герой Зигфрид из «Песни о Нибелунгах». Будучи призванным Чёрным Сэйбером, он отдал гомункулу собственное сердце.

...Причина, по которой он так поступил, неизвестна даже теперь. Однако Райдер, ставший свидетелем его смерти, слышал, как он прошептал свои последние слова.

...Да, это достойный конец.

Испытав удовлетворение, Зигфрид спокойно расстался с жизнью. Гомункул, которому не положено было иметь даже имя, получил много *благословений* и смог выжить.

Впереди его ждала яркая и многообещающая жизнь. Он превзошёл отчаяние и обрёл надежду.

Но несмотря на это, он вернулся на *эту сторону*.

Разумеется, это был его выбор. С этим не поспоришь. И поэтому я, естественно, должна была просто наблюдать за ним и беспристрастно вершить свой суд.

Но у меня не вышло. Как бы я ни старалась, я не смогла остаться в стороне.

Одна девушка внутри меня думала, что это была любовь с первого взгляда. Что я была безнадёжно очарована благородством того пути, что он избрал, несмотря на опасность.

...Другая же девушка не думала, что это была любовь. Она считала, что порыв защитить его был откровением, говорившим, что *это необходимо.*

Как бы то ни было, гомункул, назвавший себя Зигом, и я решили действовать вместе...

Преследуя общие интересы, мы начали сражаться плечом к плечу.

Одна моя половина возрадовалась от любви... вторая же ныла от греха и сомнений.

Почему я решила объединиться с ним и поклялась защитить его? Были ли тому настоящей причиной мои чувства? Или же...

Подобные мысли, которые бессчётное количество раз мелькали в моей голове, я отметала в сторону. Я отмахивалась от вопроса, не зная на него ответ.

Вместо этого мне стало известно о чувствах другой моей половины.

Богатые, яркие чувства, настолько грустные, что слёзы наворачиваются на глаза, и настолько забавные, что кажутся нелепыми, вихрятся внутри другой меня.

Да. Несомненно, это любовь. Прекрасное сердце, подобное мимолётному цветку, всегда было вне моей досягаемости...

...Разумеется, это была не моя любовь, а *той девушки, что приняла меня внутри себя.* Эти бьющие через край чувства попросту приятны и прекрасны.

Поэтому-то я и чувствовала лёгкую вину за то, что той девушкой, которую видел «он», была не она, а я.

Та, на кого ты должен смотреть, - она, а не я.

Но, глядя на «него», я почему-то забываю про свою вину.

...Но всё нормально.

Эта любовь не закончится. Когда я исчезну, останутся лишь девушка и юноша, у которых есть будущее.

Представляя это, я... я чувствую такую радость, что хочется плакать.

...*Этот мир прекрасен*, сказал однажды кто-то.

Бесконечно меняющиеся белые облака, ультрамариновое небо, старые деревья, от которых веет святостью, новые ростки, пышущие жизнью... Нет необходимости говорить, что всё это – формы природной красоты. Но даже большие города, в которых люди продолжают бороться за жизнь, исполнены рукотворной красоты, скрывающей их уродство.

Мир нельзя назвать спокойным или простым. Скорее, жестокость одного лишь выживания есть естественная его часть. Травоядные поглощаются плотоядными, плотоядные гибнут под огнём человеческого оружия, а людей побеждает нечто нечеловеческое. Но даже это нечеловеческое падает под натиском обычных людей. Победители в конечном итоге становятся побеждёнными и оказываются перед лицом внушающей отчаяние жестокости мира.

Зло существует. Но существует также и добро. И ещё есть нечто серое, в котором добро и зло неразличимы.

Но даже так этот мир прекрасен.

Живое радуется жизни. В этом нет ни красоты, ни уродства; есть лишь искренний пот, порождённый усилием. Пока люди не будут надменно выставлять напоказ тот факт, что они существуют... другими словами, пока они будут выбирать жизнь...

...мир несомненно будет вечно прекрасным.

Купаясь в мимолётном и тёплом свете сумерек.

Именно эту молитву вознёс кто-то.

...*Этот мир уродлив*, изрёк однажды кто-то.

Хаос неизбежен в этом мире. Чистого добра достичь невозможно, а чистое зло так и бьёт ключом. И эти две крайности всегда будут несовместимы друг с другом. В хорошем мире всё ещё есть зло. Так устроен мир, и именно так он продолжает рождать уродство. Зло насмехается над добром, а добро кидается на зло. Но в мире, где добро и зло противостоят друг другу, есть группа гораздо более многочисленная, которая всегда даёт о себе знать.

Это «серые». Не добрые и не злые. Группа, которая мечется по жизни и попросту существует. Они не верят в добро и попросту гордятся тем, что они не злые. Признавая злые деяния, они, тем не менее, отвергают злые намерения. Они с радостью говорят: «Я не злой, я хороший человек» - оправдывая тем самым все формы жестокости.

Они убивают людей с насмешкой. Они убивают людей из презрения. Они убивают людей, называя это частью игры. И они оправдывают неспособность обуздать свои желания тем, что... так устроены люди. Так устроен мир.

Да... этот мир крайне уродлив. Он не окрашен в цвет добра и не погряз во зле. Люди не в силах определиться со стороной, и их воля продолжает колебаться. Пока злые намерения и смердящие трупы не будут уничтожены...

...мир несомненно будет вечно гнить.

Закутавшись в трупный туман посреди тьмы, промёрзшей до основания.

Именно так заключил кто-то.